

КОЭВОЛЮЦИЯ МЕСОПОТАМСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОБЩЕСТВА В III – НАЧ. II ТЫС. ДО Н. Э.

В. В. Дедков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, Минск, 220030 Республика Беларусь
jveztnilyaj@gmail.com*

Автор анализирует раннемесопотамскую (III – нач. II тыс. до н. э.) правовую традицию, включая: Реформы Урунимгины, Законы Ур-Намму, Законы Липит-Иштара, Законы Эшнунны, надпись Энметены и Статую Б Гудэа и рассматривает современные теории их интерпретации (кодекса действующих норм, учебного образца и идеологической царской надписи) как проблему системности и динамики. Статья сопоставляет различные фрагменты сводов законов и отмечает их текстуальную и смысловую преемственность, раскрывает механизмы взаимодействия обычного и позитивного права. Автором делается вывод о возможности рассмотрения развития месопотамского законодательства как *коэволюции*.

Ключевые слова: клинописное право; история права; Древняя Месопотамия; Шумер и Аккад.

THE CO-EVOLUTION OF MESOPOTAMIAN LEGISLATION AND SOCIETY IN 3RD – BEGINNING OF 2ND MILLENNIUM B.C.

Viktor V. Dedkov

*Belarusian State University,
Nezavisimosti av. 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
jveztnilyaj@gmail.com*

Author analyses the earlymesopotamian (3rd – beginning of 2nd millennium B.C.) legal tradition includes: Reforms of Urukagina, Laws of Ur-Nammu, Laws of Lipit-Ishtar, Laws of Eshnunna, inscription of En-metena and Statue B of Gudea and views its modern interpretation theories (rule of law theory, product of scribal school theory and propaganda in favor of king theory) as a problem of system and dynamics. Article compare different law codes fragments and notes its textual and semantic continuity, discovers customary and positive law interaction mechanisms. The author therefore concludes that development of Mesopotamian legislation can be presented as the *co-evolution* process.

Keywords: cuneiform law; law history; Mesopotamia; Sumer and Akkad.

Ранний правовой опыт Шумера и Аккада, ставший доступным благодаря череде археологических открытий XX в., наравне с литературным наследием этой древней культуры, до сих пор является объектом пристального внимания многих ориенталистов. Четыре памятника законодательства: Реформы Урунимгины, Законы Ур-Намму, Кодекс Липит-Иштара и Законы Эшнунны, стали неотъемлемой

частью крупного направления исследовательской работы в шумерологии.

Господствующими были и остаются три теории их интерпретации: кодекса действующих норм (*rule of law theory*), идеологической царской надписи (*propaganda in favor of king theory*) и учебного образца (*product of scribal school theory*) [1, с. 465].

Определение правовых памятников, как действующего законодательства, лежит в основе ряда классических работ по истории шумеро-аккадского права [2; 3; 4], напрямую реконструирующих общество и государство на его материале. Но, отсутствие синхронного прямого подтверждения использования норм кодекса в качестве основы для вынесения судебного решения *di-til-la* («суд разрешен») [5, с. 155; 6, с. 5] и казуистическая форма законов, обусловили развитие теории учебного образца, утверждающей, что кодекс является формирующей подобие правовой доктрины компиляцией судебных решений, определяя реконструкцию общества или его структурных элементов на основании законодательства, во многом, условной [7, с. 281]. С этим связано и появление работ замкнутой правовой оптики [8]. Во многом, теории данного спектра пересекаются с идеологической интерпретацией, рассматривающей кодекс, как модель интронизации лугалья-законодателя [1, с. 469], а ее правовую часть – как форму высокого законотворчества [9, с. 66]. Близким данной теории является мнение о рекомендательном характере законодательства [10, с. 102]. Следует отметить, что, вопреки представляемой оппозиционности [1, с. 469], идеологическая и правовая интерпретации концепции кодекса интронизации могут пересекаться. Так, использование кодекса в качестве инструмента интронизации и переход к организации общества посредством позитивного права представляется взаимообусловленными [11, с. 43], а акты законодательства – связанными с этапами месопотамского политогенеза [12, с. 18; 13, с. 100; 14, с. 229].

Общим для всех интерпретаций является возведение законодательного опыта к надписям шумерских правителей раннединастического периода и включение его в процесс развития традиции указов о «возвращении» и «справедливости». Так, начиная с надписей энси Лагаша Энметены [15, с. 204] через памятники законодательства проходит комплекс категорий *gi₄* и *gi-na* («возвращать» и «истина» соответственно), *ama-gi₄* («к матери возвращение») [16, с. 61], идеологемы о родственных отношениях, наиболее распространенная форма которых – «вдова и сирота»; нисхождение власти.

Следует отметить, что, некоторые из них имеют и практический смысл. К примеру, понятие *ama-gi*₄ используется не только как общий концепт освобождения во всех вышеперечисленных текстах, но и как конкретный принцип выхода из статуса невольника – ЗУ⁹ §4¹⁰, КЛ §25, снятия обвинения – ЗУ §7. Идеологемы о родственных отношениях пересекаются со смысловым наполнением статей: ЗУ §4–5 устанавливают нераздельность свободных матери и ее свободных детей, а КЛ §31–32 регулируют наследные отношения между отцом и его сыновьями.

Другой комплекс категорий и принципов связан с моделью интронизации и изменением царской идеологии в III – нач. II тыс. до н. э. Так, одна из надписей Энметены [15, с. 222] и РУ АIII 4 описывают обретение власти посредством избрания среди людей города-нома. В случае Уруинимгины *nam-lugal* («царственность», «власть») обреталась с целью возвращения к предыдущим порядкам. К концу III тыс. до н. э., традиция преобразовалась: при установлении власти Ур-Намму *nam-lugal* обреталась по праву рождения с целью установления *nîg-si-sá* («справедливость») на территории всего Шумера и Аккада. Данному механизму полностью наследует модель власти Липит-Иштара. Общим началом во всех случаях интронизации является аргументация власти как возвращения к «истинным» порядкам.

Во включаемой в традицию надписи статуи Б энси Лагаша Гудэа присутствует не только характерный набор идеологем и клише, но и формула избрания по образцу Энметены и Уруинимгины [17, с. 32]. Из протонорм – обязанность дочери-наследницы выполнять ритуал старшего сына [16, с. 297], если отсутствовали наследники мужского пола. Вероятно, данную «норму», можно сопоставить с КЛ §b определяющим дочь полноправным наследником в аналогичном случае.

Следует обратить внимание, что существующие интерпретации, во многом, рассматривают фрагменты текста правовых памятников несколько изолировано, как в синхронии, так и в динамике. В этом контексте, уместным представляется остановиться на нескольких фрагментах правовой части текста памятников, данные которых, могут быть рассмотрены аналогичным образом.

⁹ Далее Реформы Уруинимгины, Законы Ур-Намму, Кодекс Липит-Иштара и Законы Эшнунны используются в условных обозначениях: РУ, ЗУ, КЛ, ЗЭ соответственно.

¹⁰ Рассматриваемые тексты Законов Ур-Намму, Кодекса Липит-Иштара и Законов Эшнунны приводятся по публикации М. Т. Pot Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor [6]; текст Реформ Уруинимгины приводятся по публикации И. М. Дьяконова Реформы Уруагины в Лагаше [4].

РУ DIII §17 устанавливают запрет на полиандрию. ЗУ §15 вводят двойную компенсацию за выдачу обещанной невесты *ku-li* («товарищу») человека, а КЛ §29 добавляет к компенсации запрет *ku-li* жениться на этой невесте. ЗЭ §25 заимствуют норму помолвки Законов Ур-Намму.

Также, в Законах Ур-Намму появляются и другие связанные с заложенными Реформами Урунимгины изменения брачных отношений: ЗУ §7 постановляет убить жену, вступившую в сексуальные отношения с другим человеком, а ЗУ §14 указывает на проверку Речной Ордалией такой женщины. Им наследует КЛ §33, определяющий штраф за ложное обвинение дочери человека в добрачных сексуальных отношениях. Данная динамика, в целом, указывает на существование в III тыс. до н. э. иной, традиционной, вероятно, групповой формы брачных отношений, различные элементы которой проявлялись с каждым этапом все более дробного регулирования. Результатом чего, на момент нач. II тыс. до н. э., стал переход к модели множественной моногамии.

Также, Законы Ур-Намму ограничивают подобные действия со стороны мужчины. §6 постановляет убить мужчину, лишившего девственности молодую жену другого человека. Наследующий ему ЗЭ §26 дополняется новыми §27–28, определяющими возможность для мужчины, вступившего в добрачные сексуальные отношения с девушкой, живущей с ним в статусе жены без согласия ее родителей, соблюсти традицию помолвки постфактум, подтверждая, таким образом, брак. Это может свидетельствовать о том, что в конце III – нач. II тыс. до н. э. основная модель помолвки была адаптирована позитивным правом, вероятно, в условиях интеграции конгломерата различных брачных традиций, таких как похищение невесты. Направление процесса можно проследить и в вопросе общины и общинной собственности. Если в Реформах Урунимгины как пользователь собственности указывается общинник *dumu-ukú* («сын рода») в РУ DII §15 или *ama-ukú* («сородич») в В/СII §11[4, с. 20], то в ЗУ §30-32 собственником земли уже выступает *lú* («человек»).

Реформы Урунимгины указывают, что нарушения прав владения и собственности были связаны с самой системой управления номгорода, в то время как последующая законодательная традиция уже отсылает к разложению общины и выделению из нее отдельных собственников. Так, ЗУ §30 запрещает пользование полем другого человека, КИ §9–10 таким же образом запрещает пользование садком человека. ЗЭ §38 обязует владельца дома при продаже своего дома рассматривать в первую очередь *athû* («собратья»), что указывает на совместное, но опциональное, владение собственностью членов одного рода. Происходит преобразование *šub-lugal* («подчиненный лугаля») из

РУ ДII §5 в Кодексе Липит-Иштара в новый отдельный социальный класс *mi-iq-tum* статус которого определяется КЛ §15–16. Он же, но уже в аккадском варианте *miškēnu*, в ЗЭ §12–13 получает законное право владения, а в §24 жизнь жены мушкенума приравнивается к жизни авиллума. Также, изменения, связанные с появлением социальных статусов позитивного права, затронули и обычных свободных людей: ЗЭ §29–30 совмещают традиционный социальный статус с государственной (царской) принадлежностью, что позволяет ему претендовать на повторно вышедшую замуж жену.

Большая часть текста Реформ Урунимгины посвящена регулированию деятельности царских служащих и жречества. При этом, они ограничиваются только отменой накопленных изменений в общественной и политической системе города-нома: принадлежности собственности, полномочий служащих и жречества, суммы выплат. Законодательная традиция конца III – нач. II тыс. до н. э. учреждает систему экономических взаимоотношений и взаимодействия с государственными институтами. Так, Законы Ур-Намму указывают [6, с. 16] на создание единой государственной системы, описание которой в прологе традиционно сопоставляется с системой военных наместников *šagina*, [18, с. 99], и устанавливают систему мер и весов, стоимость аренды земли (§32). Кодекс Липит-Иштара указывает на установление системы повинностей [6, с. 26], регламентирует аренду и наем (§а, §5–8, §34–38), а Законы Эшнунны подробно регламентируют цены и курсы обмена (§1–2), услуги найма (§3–11), услуги займа (§19–21), устанавливает правила и порядок экономического взаимодействия (§15–16, §36–41). Публичное право, в данном контексте, представляется частично оформленным – подобное значение характерно для многих норм. Так, частично, к публичному праву можно отнести все статьи, посвященные статусу миктума/мушкенума, как подчиненного правителю, ЗЭ §29–30, и аспекты обязанностей перед судом. Специфичными, в данном контексте, представляются: обязующий создать табличку с отпечатком стопы при усыновлении КЛ §20, хранить для суда документы о покупке ЗЭ §40, §51–52 вводящие идентификацию невольников, §50 регулирующий взаимодействие между чиновниками, §60 об охране.

Реформы Урунимгины никак не регламентируют процесс судебного регулирования общества, указывая лишь в РУ В/СII §6 на наличие должности ответственных *maškim-di* («служащий суда»). Но, уже ЗУ §13–14 регулируют использование Речной Ордалии и санкцию за ложное обвинение, а §28–29 определяют ответственность *lu-ki-inim-ma* («свидетель») за показания и клятву в суде. Последним наследует более

абстрактная норма КЛ §17, в которой уже не фигурируют практические формулировки принятия клятвы *nam-erim* («злодейство») и *dadag* («очищать») Речной Ордалией. КИ §30 устанавливает возможность трактовки судебного решения, а ЗЭ §48 разграничивают юрисдикцию обычного и царского судов. Вышеупомянутые ЗЭ §40 определяют отсутствие документа о покупке – доказательством кражи. Появляются нормы, со сложной системой ответственности: КЛ §11 и ЗЭ §58 посвященные созданию небезопасной ситуации для дома соседа, ЗЭ §54–57 – использованию агрессивных (бешенных) животных, ЗЭ §36–37 о хранении чужой собственности. Тексты данных статей указывают также и на формировании в правовой традиции категории умысла. Так же, установление компенсации за нанесение увечий человеку (ЗУ §18 – 22, КЛ §d, ЗЭ §42 – 47A) и установление казни за убийства (ЗУ §1, КЛ §e, ЗЭ §24, §48), свидетельствуют о частичном отказе от обычных форм правосудия (принципа талиона, кровной мести и линчевания) и оформлении в позитивном праве отличной от предыдущей системы наказаний [19, с. 54]. Таким образом, создание системы позитивного права неразрывно связано с выделением правосудия в отдельный государственный институт.

Данные изменения также совпадают с глобальными изменениями в обществе и государстве к концу III – нач. II тыс. до н. э. Создание единой государственной системы лугаями III династии Ура, объединившими множество номов-городов с различными традициями организации общества [12, с. 18], обусловило необходимость регламентации тех аспектов, в которых пересекались традиционные и дворцовые институты. После дезинтеграции государства III династии Ура наследующие ей государства Исина и Эшнунны частично перешли от прямого управления всеми институтами общества и государства к регулированию, что обусловило расширение области публичного и экономического нормирования [19, с. 103].

Таким образом, текстуальная и функциональная преемственность памятников месопотамского законодательства в III – нач. II тыс. до н. э. демонстрирует то, что объектом их регулирования выступает один и тот же комплекс основных институтов общества, а сами кодексы могут быть объединены в единую традицию. Изменения, которые претерпевали те или иные правовые решения на протяжении данного периода и их взаимообусловленность на конкретных этапах указывают на то, что учреждение нормы влекло за собой появление новых точек пересечения пространств обычного и позитивного права, регулируемых на новой стадии раннемесопотамского законотворчества. О похожей двунаправленной связи, но уже между властью и законодательством

свидетельствует неоднократно подчеркнутая синхронность его актов политическим преобразованиям в регионе и последующее превращение данной практики в традицию легитимации через учреждение системы. Данное взаимодействие может быть определено *коэволюцией* законодательства и общества, как отличительной характеристикой развития месопотамской правовой традиции на раннем этапе.

Библиографические ссылки

1. Claassens S.J. The So-Called «Mesopotamian Law Codes»: What Is in A Name? / Journal for Semitics. 2010. Vol. 19/2. P. 461–478.
2. Steele F.R. The Code of Lipit-Ishtar / American Journal of Archaeology. 1948. Vol. 52 № 3. P. 425–450.
3. Goetze A. The Laws of Eshnunna / The Annual of the American Schools of Oriental Research. 1951–1952. Vol. 31. P. v+vii+x+1-197.
4. Дьяконов И.М. Реформы Урукагины в Лагаше // ВДИ. 1951. № 1. С. 15–32.
5. Culbertson L.E. Dispute Resolution in the Provincial Courts of the Third Dynasty of Ur: PhD Dissertation: Near Eastern Studies. University of Michigan, 2009.
6. Roth M.T. Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor. Atlanta, Ga.: Scholars Press. 1997.
7. Roth M.T. Reading Mesopotamian Law Cases PBS 5 100: A Question of Filiation / Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2001. Vol. 44. №. 3. P. 243-292.
8. Finkelstein J.J. The Laws of Ur-Nammu / Journal of Cuneiform Studies. 1968/1969. Vol. 22., No. 3/4. P. 66-82.
9. Немировский А.А. «Если царь с законоустановлением страны не считается...» Правитель, подданные и норма в вавилоно-ассирийском мире / Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 44–78.
10. Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: Азбука–Классика, 2003.
11. Maeda T. «King as a law giver» in the Ur III dynasty / Orient. 1985. Vol. XXI. P. 31–45.
12. Якобсон В.А. Возникновение писаного права в Древней Месопотамии // ВДИ. 1981. №4. С. 9–20.
13. Никитина А.Д. Древневосточное право и типы государственных образований на древнем Востоке (XXII–XVIII века до н. э.) / Вестник Челябинского государственного университета. 2011. История. Вып. 44. №9. С. 99–104.
14. Трикоз Е.Н. «Кодекс Ур-Наммы»: особенности шумерской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. №1. С.225–237.
15. Frayne D. RIM The Royal Inscriptions of Mesopotamia, vol. 1, Pre-Sargonic Period: Early Periods, Vol. 1 (2700- 2350 BC). Toronto: University of Toronto Press, 2008.
16. Емельянов В.В. Идея вечного возвращения в шумерской культуре / Вестник СПбГУ. Серия 13. 2009. №2. С. 58–68.
17. Edzard D.O. RIM. The Royal Inscriptions of Mesopotamia, vol. 3/1, Gudea and His Dynasty. Toronto: University of Toronto Press, 1997.
18. Stępień M. From the History of State System in Mesopotamia – The Kingdom of the Third Dynasty of Ur. Warszawa: Zakład Graficzny UW, 2009.
19. Немировская А.В. Система наказаний на Древнем Востоке. История вопроса // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2010. Вып. 1. С. 53–69.